

ИЗ ПРОШЛОГО ПЕТРОВКИ - ТИМИРЯЗЕВКИ

Известия ТСХА, выпуск 1, 2013 год

УДК 929 Вавилов Н.И.

ВИНОВНЫ В СМЕРТИ (ХРОНИКА ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ ЖИЗНИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ВАВИЛОВА)

В.И. ГЛАЗКО

(РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева)

Двадцатый век... еще бездонней.
Еще страшнее жизни мгла...

Александр Блок

Статья посвящена последним годам жизни великого ученого Н.И. Вавилова и его убийству. Явление лысенковизма в мире уникально. Лысенковцев в советской науке было много, но другие так ярко не «засветились», поскольку они были «умнее» и умели прятаться за спины своих талантливых сослуживцев. Взлет Лысенко и зарождение лысенковщины были закономерны, вытекали из социальных причин, отражали реалии складывавшегося государственного порядка. Судьба, жизнь Н.И. Вавилова бесспорное свидетельство мужества ученого, занявшего в условиях публичной травли твердую гражданскую позицию в борьбе с демагогией и псевдонаукой. Лысенко и К° сыграли свою роль в последующем развале страны, в разрушении ее продовольственной и образовательной безопасности, в создании «колбасной эмиграции». Со временем забудутся для истории, но не для страны имена гонителей: лысенков, презентов, Шлыковых, колей, хватов и многих других, а имя Николая Ивановича Вавилова останется мировым эталоном поведения в трудных, иногда и несовместимых с жизнью, условиях, эталоном государственного мышления, поведения человека бесстрашного и бескомпромиссного.

Ключевые слова: «пролетарская наука», Н.И. Вавилов, И.В. Сталин, И.И. Презент, Т.Д. Лысенко, ВППБиНК (ВНР), ВАСХНИЛ, партбюро.

У Николая Ивановича с властью до конца 20-х гг. конфликтов не было. Неприятности были, но они объяснялись завистью, ненавистью и желанием занять его место директора, президента и т.д. Возникшее противостояние, которое привело к смерти Н.И. Вавилова, продиктовано логикой развития советского государства. Научной составляющей в этом противостоянии было мало, тем очевиднее гражданский и научный подвиг Н.И. Вавилова [1-3].

В 30-е гг. XX в. в стране произошел перелом, точнее, вскоре юбилея Сталина Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1929 г. дал директиву о разрывании наступления на

капиталистические элементы города и деревни. Было принято решение о реорганизации вузов и научных учреждений, укреплении их новыми кадрами - членами партии и комсомола, выходцами из рабочего класса, которые должны были планировать работу и контролировать научные исследования и взять в свои руки подготовку кадров в области естествознания. Принципиальное изменение претерпевает организация науки. Возникает конкуренция, на основе идеологии различных групп ученых, за финансовые, материальные и людские ресурсы. Причем формы и способы этой борьбы и проведения дискуссий соответствуют языку гражданской войны в стране. Вся дискуссия основывалась не на убеждении оппонента в своей правоте, а на доказательстве вредности его взглядов и исследований для народного хозяйства или на несоответствии взглядам Советской власти.

В дискуссии, организованной в Наркомземе в 1928 г., В.Р. Вильямс — творец «единственной правильной теории ведения социалистического сельского хозяйства» — «диалектического почвоведения», потерпел поражение. Но с начала 30-х и до середины 50-х гг. XX в., уже после своей физической смерти, он «побеждал» непрерывно. "Диалектичность" учения Вильямса оказалась очень удобной для тех, кто определял тогда судьбы страны и ее сельского хозяйства. Это учение казалось крайне революционным, ибо проповедовало мысль о возможности скорой и окончательной победы над природой, начиная от человеческой и кончая любой другой. Например, о беспредельности роста плодородия почв и урожайности без особых к тому же усилий со стороны человека.

Вильямс утверждал, что и сам климат должен будет сдаться большевикам: «Сам климат должен измениться...». Значительно больший урон, чем прямые декларации, рекомендации Вильямса нанесли опосредованно. В них не поощрялось применение навозного удобрения на подзолистых почвах Нечерноземья, причины опустошения которых Вильямс видел исключительно в выпаханности почв, приведшей к разрушению почвенной структуры. Навоз сам по себе никак не мог ее восстановить, а значит, и повысить урожайность. Вначале следовало восстановить структуру, а затем уж удобрять. Такая точка зрения реально способствовала дальнейшему росту диспропорции между скотоводством и растениеводством в нечерноземных областях и на деле привела к снижению урожайности, так как не восполнялись потери питательных веществ в почве [7]. Вильямс любил говорить, что «задача науки упрощать, а не усложнять». Имеется характеристика, данная Н.М. Тулайковым, его рекомендациям: «Там, где академик В.Р. Вильямс вмешивается в природные процессы, он заставляет их течь в таком направлении, в каком в данный момент ему это нужно... в других же случаях он с ними вовсе не считается». Лысенко пошел дальше, придумал новый метод «делания науки» — так называемый анкетный метод. Помощники Лысенко рассылали по колхозам анкеты и просили счетоводов и руководителей колхозов указать, какие площади заняты посевами яровизированных семян, как развивались посевы обычных и яровизированных семян и тому подобное. Анкеты не были документами строгой отчетности. Руководители колхозов заполняли их произвольно в духе времени. Сотрудники Лысенко занимались тем, что представляли эти данные в государственные органы как небывалые успехи. Хотя статистика показывала, что дела с урожаями шли в стране все хуже и хуже. Но ответа за эти приписки никто не спрашивал. И Лысенко понял, что его обещания нужны стране, даже если они не будут реализованы [4-7, 12].

Аналоги лысенковщины были во многих других отраслях советской науки кроме военной. Научные деятели, поступавшие сходным образом, имелись во множестве, и они были готовы на все. «Пролетаризация» науки протекала в крестьянской

малограмотной стране, где наука многими воспринималась как нечто нехарактерное, как экзотика, насильственно пересаженная волею Петра I из-за рубежа на российскую почву. Лысенковщина ясно показала, что наука нравственно облагораживает личность только тех, кто ею занимается искренне, а не использует ее для достижения политических или иных целей. Надеяться, что она очеловечит таких, как Лысенко, Презент и их учеников, как рассчитывал Н.И. Вавилов и ряд других ученых, — принципиальная ошибка.

После великого перелома Сталин поменял команду и стал единолично определять положение дел в стране и в науке. В стране закрепилась новая традиция — воспринимать науку как классовую и партийную. Задача государства — добиться того, чтобы ученые стали частью общегосударственного аппарата, всецело подчиненного большевикам, и не просто выполняли отдельные задания правительства, а были проводниками его политики в области подготовки кадров для создания пролетарской науки и участия в пропаганде достижений советской науки за рубежом. И.В. Сталин указывает на отставание теоретического фронта от успехов социалистического строительства и убеждает, что практика опровергает возражения науки, а ученым следует поучиться у практиков. В письме, направленном в Президиум Комкадемии в декабре 1929 г., А.К. Тимирязев отмечал, что аспиранты готовятся по узкой тематике, прежние профессора ничего не могут дать, кроме знаний в своей области. Это было началом дискредитации признанных авторитетов в отдельных отраслях науки. Академия наук оказывала сопротивление «пролетаризации науки», что привело к безотлагательному и безжалостному применению репрессий, которые в сознании правящей партии казались, после опыта гражданской войны, наиболее универсальным методом «снятия» проблем. Как противовес АН была создана ВАСХНИЛ с ее пролетарским подходом к науке, Академию наук планировали закрыть.

Гражданская война закончилась, но армия для внутренней войны осталась, и она требовала действий для оправдания своего существования, все ее рода войск — партийный аппарат, ОГПУ, РКИ, огосударствленные профсоюзы, агитпроп, пресса — состояли под единым командованием и были готовы к действию. Сталин боялся за свою жизнь, свое положение, поэтому ему и его окружению война на два фронта — с крестьянством и интеллигенцией — нужна была для введения единообразия жизни и для преодоления крамолы (оппозиции) во внутрипартийном лагере. Всюду, всеми средствами и любым способом, требовалось умертвить любую независимую силу, в которой мог зародиться и чудился очаг сопротивления. Даже в Политбюро теперь решения, в связи с унификацией страны, принимаются только единогласно [7-12].

Сталин и его окружение понимали, что образование и наука представляли собой единую систему, от которой зависит воспроизводство чиновников и советской интеллигенции. Правящая элита старалась не только поставить все сферы «духовного производства» под свой контроль, но и воспитать особую разновидность ученых, всецело разделявших ее мораль, планы и мировоззрение. Сущность феномена «пролетарской науки» заключается в жестком централизованном политическом контроле науки системой партийной философии, которая претендовала на универсальность. Символ — «народный академик» Т.Д. Лысенко, представитель так называемой «пролетарской интеллигенции». Его научные работы не имели широкой известности, и поэтому он не оказывал особого влияния на научную мысль, но на формирование псевдонауки — да. Научное сообщество, оказавшееся в условиях, когда средства для осуществления научных проектов могло предоставить только государство, вынуждено было искать особые формы взаимоотношения с ним. Идейной формой часто

прикрывали откровенный карьеризм. Молодые пролетарские ученые-коммунисты считали, что партия будет руководить профессорами, т.е. руководить будут они. Они требовали, чтобы научные должности занимали коммунисты [1, 7, 10], например И. Презент. Он умел придать научной полемике характер обострившейся классовой борьбы. Его активный интерес к Н.И. Вавилову и другим генетикам проявился еще в 1931 г. Планы И. Презента были велики. Захват руководства биологическими обществами, проведение методических просмотров всех кафедр биологического профиля без исключения в вузах Ленинграда. Аргумент — профессора не ссылаются в своих работах и лекциях на партийные документы. Генетикам он инкриминирует «созерцательное отношение к природе...», т.е. неревOLUTIONIONное. Деятельность Презента была направлена на сокрушение традиционных научных школ, он присоединился к критике Вавилова и добавляет к ней свою агрессию. Его раздражает, что ученые старшего поколения, на словах приняв диалектический материализм, продолжают заниматься прежними темами, используют методы мировой науки и не уступают место в руководстве, несмотря на их лысенковские и Презента и других безупречное социальное происхождение, партийность и знание марксизма [10]. В стране норма — перенос в науку политических лозунгов, отождествление научных концепции и политики. Результат — наука останавливалась в своем развитии, отставала как от требований жизни, так и от мирового уровня. Положение обострялось тем, что в СССР был только один вид финансирования науки — государственный. Наука попала в золотую клетку, благодаря финансированию государства. Отсюда же слепая, закрывающая на все глаза, вера граждан в Сталина, в то, что он знает, что делает. Из этих людей рекрутировался сталинский аппарат. Поэтому И.В. Сталин имел право и требовал получать в каждой области знания и государственного строительства удобные ему результаты, невзирая ни на какие пределы человеческих возможностей. Ситуация с наукой в стране резко поменялась в течение нескольких месяцев и в стиле гражданской войны началась борьба по вопросам биологии и прежде всего генетики.

Н.И. Вавилова критиковали за идею неизменности гена, которая отменяла перспективу переделки природы растений, животных и, главное, — человека в удобном партии направлении и масштабе [14-16].

Провалы и неудачи социально-экономической политики ВКП(б) в конце 20-х — начале 30-х гг. вынудили партийное руководство переложить вину за срывы темпов индустриализации и коллективизации на «вредителей» из числа «классовых врагов». Резкий спад сельскохозяйственного производства, голод привели к поиску виноватых в виде лидеров правого уклона в партии, фабрикации дел против научной и технической интеллигенции и т. д. А началось с поисков врагов — виноватых в провалах в экономике страны — процесса по делу «Шахтинское». Большая часть осужденных по Шахтинскому делу успешно работала в Донбассе и до 1917 г. Это авторы статей по горному делу, противники уравниловки в оплате. То, что процесс организован и результаты его детерминированы, можно судить по тому, что Сталин определил свои выводы еще до суда, 13 апреля 1928 г., на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК. Сталин сказал: «Шахтинское дело показывает, что мы плохо подбирали хозяйственные кадры. Теперь у нас есть свои кадры. Нет в мире таких крепостей, которые не могли взять трудящиеся, большевики (Аплодисменты).».

Сразу после Шахтинского процесса в 1928 г. в стране были произведены массовые аресты среди работников Наркомата путей сообщения. Главных обвиняемых (Н.К. фон Мекка и А.Ф. Величко) не удалось подготовить к открытому процессу, аналогичному «шахтинскому», и они были расстреляны весной 1929 г. Очередные «гром-

кие» процессы готовились ОПТУ после арестов в 1930 г. в трех крупных группах специалистов. О ГПУ сфабриковало три антисоветских подпольных партии. Первая — «Промпартия» (на скамье подсудимых оказываются инженеры и профессора, ученые технических вузов, Л.К. Рамзин, В.А. Ларичев и др.), вторая, которая расширила «дело профессоров», — «Трудовая крестьянская партия» — известных аграрников, служивших в Наркомфине и Наркомземе (среди них оказались ученые, составляющие гордость отечественной и мировой науки: А. Чайнов, Н. Кондратьев, А. Челинцев, Н. Макаров, Л. Юровский, А. Дояренко, А. Рыбников, Л. Литошенко, С. Чайнов, И. Леонтьев, А. Фабрикант, О. Хауке и многие другие), третья — «Союзное бюро ЦК РСДРП» — экономистов и плановиков, бывших членов партии меньшевиков, работавших в Госплане, ЦСУ и других хозяйственных и научных учреждениях (В.Г. Громан, Н.Н. Суханов-Гиммер и др.). А также «академическое» дело, сфабрикованное в 1929-1931 гг. по делу «Всемирного союза борьбы за возрождение свободной России», и «дело славистов» 1933-1934 гг.

Как свидетельствуют опубликованные письма И.В. Сталина, он не только внимательно следил за ходом следствия, но и указывал В.Р. Менжинскому, какие показания требуются от арестованных (Коммунист. 1990. № 11). Он писал, в частности: «...сделать одним из самых важных узловых пунктов новых (будущих) показаний верхушки ТКП, «Промпартии» и особенно Рамзина вопрос об интервенции и сроке интервенции... Если показания Рамзина получат подтверждение и конкретизацию в показаниях других обвиняемых (Громан, Ларичев, Кондратьев и Ко), то это будет серьезным успехом ОПТУ». Такие письма вдохновляли репрессивный аппарат. Готовился новый открытый политический процесс. Сталин пытался привлечь к этому делу и М. Горького, но тот отказался... Другое письмо И.В. Сталина В.М. Молотову в начале сентября 1930 г.: «Разъяснение в печати «дела» Кондратьева целесообразно лишь в том случае, если мы намерены передать это «дело» в суд. Готовы ли мы к этому? Считаем ли нужным передать «дело» в суд? Пожалуй, трудно обойтись без суда. Между прочим: не думают ли гг. обвиняемые признать свои ошибки и порядочно оплевать себя политически, признав одновременно прочность соввласти и правильность метода коллективизации? Было бы недурно». Однако подумав (обвиняемые оказались крепкими), И.В. Сталин дал новую директиву: «Подождите с делом передачи в суд кондратьевского «дела». Это не совсем безопасно. В половине октября решим этот вопрос совместно. У меня есть некоторые соображения против». Можно предположить, что причиной отказа от публичного суда послужило мужественное поведение на следствии многих, в т.ч. Н.Д. Кондратьева, который, хотя и признал после пыток «прочность соввласти» и «правильность метода коллективизации», но отвел обвинения в подготовке интервенции. Сыграло свою роль и волна протестов видных западных деятелей науки, литературы и искусства (А. Эйнштейн, М. Планк, Г. Манн и др.) против гонений на советских ученых.

21 сентября 1931 В.Р. Менжинский утвердил обвинительное заключение по делу «Центрального Комитета контрреволюционной вредительской организации «Трудовая Крестьянская Партия». За арестованных по делу ТКП ходатайствовал академик Н.И. Вавилов. Они были многолетними друзьями и коллегами Н.И. Вавилова, он ходатайствовал об их освобождении, что вряд ли нравилось тем, кто был инициатором их преследований. Впоследствии это обстоятельство послужило в 1940 г. основанием для ареста и обвинения его в том, что он «является одним из руководителей антисоветской организации, именованной ТКП». Следует отметить, что первым теоретиком концепции плана-прогноза, которая в настоящее время находит применение во многих странах в виде одной из сторон индикативного плани-

рования, был выдающийся экономист и профессор МСХА имени К.А. Тимирязева Н.Д. Кондратьев. Зарождение современной теории прогнозирования и планирования приходится на начало 20-х гг. XX в., причем безусловный приоритет в ее развитии принадлежит России, в частности, в использовании в планировании «генетической» концепции, основоположниками которой считают Н.Д. Кондратьева, В.А. Базарова, автора исследования «К методологии перспективного планирования», В.Г. Громана (Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства). И только в последние десятилетия выдающиеся разработки российских аграрных экономистов начала XX в. возвращаются в свое Отечество.

Уникальной особенностью ученых этого центрального аграрного вуза России всегда был комплексный подход к проблемам сельского хозяйства, анализ аграрной цивилизации, ее развития с естественно-научных позиций. По-видимому, они первые заложили основы представлений о сельском хозяйстве как о социобиологическом явлении. Так, А.В. Чаянов, известный в мире благодаря своим работам об устойчивости крестьянского хозяйства, кооперации и ряду других разработок в области аграрной экономики, ввел понятие о крестьянском хозяйстве как об элементарной единице аграрной цивилизации и показал механизмы его эволюции, важность политического контроля и коррекции его изменений. Одним из ключевых направлений его научной и практической деятельности было то, что в то время называлось общественной агрономией. Великий выпускник нашего вуза А.В. Чаянов полагал, что главная задача агронома — информационное обслуживание всех, участвующих в сельскохозяйственном производстве, в т.ч. принимающих решения о реформах в сельском хозяйстве. Он видел решающую роль консультаций крестьянских хозяйств в развитии всего сельского хозяйства России. По сути, А.В. Чаяновым закладывалась основа методов внедрения результатов научных исследований в практику сельского хозяйства, именно то, что остается недостаточно развитым и до сих пор, в т.ч. и из-за отсутствия целенаправленных программ обучения принципам такого информационного сопровождения. Неуспешность аграрных реформ России XIX-XX вв., прежде всего, обусловлена отсутствием специального института таких служб и соответственно относительной негибкостью отечественного аграрного образования.

В 30-е гг. внедрялись административные методы борьбы с неугодными направлениями науки. «Командные высоты» заняли наспех подготовленные представители партаппарата — будущей советской интеллигенции (выпускники института красной профессуры — ИКП). ИКП — «гордость» советской системы народного образования и ведущее учреждение по подготовке кадров партийных теоретиков, с одной стороны; «резерв юных партийных карьеристов», с другой. При организации набора рабочих в слушатели ИКП утверждалось, что способность к научной работе является необходимым, но не самым важным условием при отборе студентов. Решающими факторами оказывались партийный стаж, рекомендации партийных комитетов правительственных учреждений или отделов ЦК. С 1922 г. беспартийные в вуз не принимались. Репрессии — важнейший аргумент и часть революционного «прорыва» в науке при переходе к «плановой экономике». Отработанные на «буржуазных специалистах» технические приемы террора с середины 1930-х гг. будут применять не только к науке, но и по отношению к новым коммунистическим кадрам. Примером является «съезд победителей» — XVII съезд ВКП(б). Через три года Сталин элегантно превратил «съезд победителей» в съезд репрессированных: из 1966 участников уничтожена было более половины — 1108, из 139 членов и кандидатов в члены ЦК погибло 98. Чистят и партию. Принято решение ЦК ВКП (б) о про-

ведении проверки партийных документов у кандидатов и членов партии. Общество старых большевиков распущено, а также ликвидировано Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

Открылась новая трагическая страница в истории нашей страны. Отбор и селекция представителей власти пошла по принципу личной преданности вождю. Широко шел процесс фальсификация истории, «систематическое стирание коллективной памяти», подмена ее мифотворчеством, чем занимались официальная пропаганда и идеологизированная литература.

В команду Сталина попадали в большинстве догматически настроенные, невежественные люди. Они готовы были выполнить любой приказ Сталина, что и делали. Наука также попала в сферу их интересов. Они вытеснили из руководства страны и науки самых талантливых деятелей и расправились с ними. Многие из выдающихся людей были арестованы, сосланы, а в годы «большого террора», при повторной зачистке, расстреляны. И это все проходило на фоне рапортов о хозяйственных и политических успехах. Одновременно шли политические процессы и работа над ошибками — кампания «покаяния» и «признания» ошибок. Гибель представителей партийной элиты Н.И. Бухарина, Н.П. Горбунова, А.И. Рыкова и других представителей ленинской гвардии усилила репрессирующую составляющую в науке. Все это имело пагубные последствия и нанесло такой урон нашей стране, что та, в конце концов, была разрушена.

Судьба Николая Ивановича, как теперь понятно, определилась в 1929 г. Год великого перелома стал для Вавилова зенитом его научно-организационной карьеры. В его Институте начинаются критические выступления членов собственной парторганизации и партийцев-аспирантов. Эти аспиранты искренне верили в свое историческое предназначение — возглавить научные исследования. Для этого они требовали чистки кадров, предоставления им руководящих должностей, ранее занимаемых специалистами. Не получая поддержки администрации, они сигнализировали в соответствующие места и органы, инициируя проверки и разбирательства с привлечением властных структур. Например, такие как А.В. Альбенский (известен тем, что травил царских специалистов ВИРа, добивался их замены партийцами), Н.А. Басова, Н. Гейликман, А.И. Лусс, Т.Г. Нестерович, Г.Н. Шлыков (активный сторонник Т.Д. Лысенко в ВИРе позднее) подключились к недоброжелателям Вавилова, подводя под его критику идеолого-политическую основу. Тех, кто был с ними не согласен, обвиняли в аполитичности. В результате жизнь вавиловского института и его руководителей превратилась в серию непрерывных заседаний идейных партийцев и принятия ими резолюций, разоблачений и обращений в соответствующие органы. Шлыков предложил «на должности заведующих] отделений подобрать членов партии, не специалистов из рабочих», а М.В. Калашников — «коммунизировать наши отделения». Единственный, кто был против — управляющий делами ВИРа М.М. Ушаков, призывавший бережно относиться к специалистам, так как заменить их некем. В институте возникла проблема острейшего кадрового дефицита [10]. Вот в такую обстановку приходилось возвращаться Вавилову после командировок из-за границы. Сталинская модель организации науки работала. Но Вавилов продумал соответствующую тактику борьбы с ней. Она помогла ему выстоять и сохранить институт вплоть до ареста. Вавилов понимал, что Институту нанесен тяжелый ущерб. 7 октября 1931 г. он писал: «Эта (прошлая ныне) весна была не очень легка для специалистов... Устранено от заведования много специалистов. Часть была даже под арестом по обвинению в контрреволюции». В сентябре 1932 г., во время очередной командировки Н.И. Вавилова, были арестованы и высланы более 20 ведущих научных сотрудников ВИРа,

поддерживавших Н.И. Вавилова — Н.П. Авдулов, Н.П. Голубев, П.П. Зворыкин, Н.Д. Костецкий, Н.Н. Кулешов, Г.А. Левитский, А.Д. Лебедев, Н.А. Максимов, В.В. Маркович, В.Е. Писарев, М.Г. Попов, Я.И. Проханов, В.В. Таланов, С.Ю. Шиманович, Н.В. Чайковский, К.М. Чинго-Чингас и др.

Окончательно судьба Н.И. Вавилова решилась в Кремле в начале апреля 1935 г. До этого его активно третировали на всевозможных совещаниях, упрекали в том, что он занимается пустяками. Он стал «невъездным», был положен конец его зарубежным научным экспедициям и, что особенно важно, научным контактам. Наметившиеся негативные тенденции в отношении к Н.И. Вавилова все больше усугублялись. В марте 1935 г. на VII съезде Советов его лишили поста члена ЦИК. В феврале внезапно было отложено, а затем и отменено санкционированное еще в августе 1934 г. наркомом земледелия празднование 10-летнего юбилея ВИРа, а также чествование Н.И. Вавилова в связи с 25-летием его научной и общественной деятельности. И это было сделано тогда, когда уже была проведена большая подготовительная работа, оповещены советские и зарубежные учреждения, а многие ученые, а также журналисты специально приехали в Ленинград. Это было серьезным и неожиданным ударом. Не избрали его и в Ленинградский Совет. Николая Ивановича сняли с поста Президента ВАСХНИЛ, организации, которая была создана по его инициативе и при активном участии. Процедура была проста и прогнозируема. 27 марта 1935 г. на имя Сталина была направлена докладная записка в ЦК ВКП(б) вице-президента ВАСХНИЛ А.С. Бондаренко (выпускника Института красной профессуры) и парторга ВАСХНИЛ С. Климова, оказавшихся под влиянием Т.Д. Лысенко [17]. Суть доноса была проста. Это, во-первых, враждебность Николая Ивановича и других старых ученых к мероприятиям, исходившим от членов партии, работающих в ВАСХНИЛ, во-вторых, его выступления в защиту репрессированных коллег («горой стоит за вредителей»), в-третьих, его критика проверок, что тормозит научную работу и т.д. Так как донос прямо попал к Сталину и имел его пометки, ясно, что он был организован. На докладной записке Бондаренко и Климова имеется собственноручная надпись генсека: «членам ПБ. Ст.». В тот же день, 5 апреля, донос на академика разослали членам и кандидатам в члены Политбюро, а также будущему наркому внутренних дел Н.И. Ежову, который в это время был членом Оргбюро и секретарем ЦК, заместителем председателя КПК и заведующим промышленным отделом ЦК, курировавшим ВАСХНИЛ.

В доносе на Вавилова Сталин делает несколько карандашных подчеркиваний. Обращено внимание 1) на фразу о враждебном отношении «старых ученых» к деятельности членов ВКП(б), 2) на слова об активных выступлениях Вавилова в защиту коллег, обвиняемых во вредительстве. Донос послужил обоснованием для снятия Н.И. Вавилова с поста Президента ВАСХНИЛ. Как шла дискуссия на заседании высшей партийной инстанции, неизвестно. Вероятно, обсуждались различные варианты. Сошлись на одном — сместить Вавилова с поста Президента ВАСХНИЛ. Что и было сделано Постановлением Совнаркома от 4 июня 1935 года. Вавилов стал одним из вице-президентов ВАСХНИЛ вместе с Г.К. Мастером и М.М. Завадовским. И оставался им до ареста — начала августа 1940 г.

Имеется несколько существенных причин снятия Вавилова с различных постов в стране, в т.ч. и с поста Президента: для Сталина и его команды Н.И. Вавилов был неприемлемой кандидатурой для сотрудничества, из-за происхождения, независимости мышления; общей «великой грамотности», широкой известности за рубежом; по причине защиты невиновных. Власть раздражали бесконечные ходатайства Николая Ивановича о невинно заключенных. «Особенно также броса-

лось в глаза то, — отмечал директор Института почвоведения и агрономоведения А.К. Запорожец (его тоже арестуют по тому же сфабрикованному делу, что и Вавилова, и расстреляют), — что при очередных приездах Вавилова в Москву, в Сельскохозяйственную Академию в период работы президентом Академии, к нему обыкновенно являлось большое количество лиц с просьбой о том, чтобы он похотатайствовал за освобождение арестованных органами НКВД или об устройстве на работу отбывших срок наказания за антисоветскую деятельность. По этому поводу с Вавиловым я лично имел разговор и обращал его внимание на то, что его такие действия бросаются всем в глаза, однако, несмотря на это, Вавилов продолжает действовать в том же направлении» [17].

После доносов подвергся «чистке» не только Николай Иванович, но и сотрудники ВИРа — окружение Вавилова. В свете тяжких обвинений Бондаренко и Климова, а также писем сотрудников ОГПУ такое решение может показаться мягким. Чем это объяснялось? Сталин в силу специфики своей дооктябрьской партийной работы был осторожен в принятии своих решений. Вероятно, что убрать Вавилова в 1935 г., в преддверии «великого террора», без риска нанести вред сельскохозяйственным наукам и сельскому хозяйству, после голодомора, вызвать замешательство в среде биологов СССР и других стран, было невозможно. Вавилов был слишком известен, слишком крупной величиной в науке. Генсек не решался на арест и предпочел мягкий, пролонгированный вариант выражения своего недовольства, но «без снятия с крючка».

Наука превращалась в инструмент решения непосредственных, прикладных задач. Письма-доносы в органы, в газеты или выше в ЦК — приметы того и последующего времени. Они появлялись на свет отнюдь не спонтанно. Инициатива исходила, как правило, от аппарата ЦК ВКП (б), который направлял активность руководителей партийных организаций в нужное генсеку русло. Инакомыслие в науке не приветствовалось. Под прямым покровительством Сталина внедрялось убеждение о существовании «советской биологии», базировавшейся на передовых национальных традициях науки дореволюционной России. В связи с этим создавали идеологическую базу для политических вмешательств в науку, ярчайшим примером которых стал лысенкоизм — образец советской биологии, противостоящей буржуазной. Противники Н.И. Вавилова, в т.ч. и Лысенко, руководствовались политико-идеологическими и карьеристскими соображениями.

Т.Д. Лысенко целенаправленно завоевывал авторитет у партийного и государственного руководства СССР. Он, в отличие от Вавилова, импонировал Сталину своим крестьянским происхождением и обещанием в кратчайшие сроки поднять урожайность зерновых культур, вывести за два с половиной года, вместо 10-12 лет, новые сорта. Власти нужен был такой человек, который будучи представителем науки, понимал и отвечал запросам властей — активный, харизматичный и с политической амбицией. Таким человеком был Трофим Денисович Лысенко, создавший себе опорную базу в Одессе. Здесь формируется и группа его сторонников. Власть его нашла. Сталин находку одобрил. Вскоре лысенковцы, кроме Одессы, захватывают и Москву. Вавилову уже противостоят две властные силы: НКВД и Лысенко.

Политика везде. Это норма жизни. Политизированным был и II Всесоюзный съезд колхозников-ударников, состоявшийся 11-17 февраля 1935 г., который открыл путь к единовластию в науке Лысенко. В съезде участвуют ударники сельского хозяйства: председатели колхозов, бригадиры, звеньевые, мастера высокой продуктивности. Выступали самые знатные люди (более ста выступлений). От науки выступление одно — от «народного ученого» — Трофима Денисовича, сына простого крестьяни-

на, выучившегося на агронома, типичного сталинского выдвигенца, ставшего академиком Всеукраинской Академии наук, выступавшего по проблеме... яровизации. Само приглашение на встречу и разрешение выступить говорило о многом.

«Сын простого крестьянина» сумел использовать эту возможность для само-рекламы — афиширования на всю страну результатов своей работы; верности и преданности Сталину. Не забыл при этом он сказать о главном, о том, чего от него ждали — о вредительстве в сельскохозяйственных науках, на что можно было списывать все недостатки и неудачи в стране, например, голодомор, старение оборудования и так далее. Говорил он и о начавшейся сразу после голодомора «счастливой жизни» советского крестьянства в условиях колхозов. Воздал хвалу генсеку. Его речь содержала все то, что требовал тогда текущий момент, партия и правительство, что потом закономерно выльется в соответствующие Постановления. Вот и остается неизвестным до сих пор «кто виноват и что делать» — то ли партия, то ли первые ученики... Чувствовать намерения вышестоящих, угадывать их желания — это особое искусство и талант пролетарской науки. По этим маркерным признакам можно четко диагностировать до сих пор учеников Лысенко и их преемников — социальный отбор отличается пролонгированностью в ряду поколений. Маркерные признаки просты и их легко заметить — множество дипломов, постов; председательства на разных встречах; максимально возможное членство везде и всюду, причем за государственный счет, успешность финансирования. Выбор только своих в Академию (дочек, жен, зятьей, родственников) и их непосредственное финансирование [16].

Лысенко как потенциально ценный кадр заслуживал поощрения, пример для подражания номенклатуре и журналистам. Сталин после выступления Лысенко последовательно выдвигает его и готовит к замене Н.И. Вавилова на всех постах, в том числе и в АН СССР. Об этом свидетельствует то, что именно Лысенко займет место директора института, президиума АН, Президента ВАСХНИЛ вместо Н.И. Вавилова.

Речь Лысенко на съезде стала классической для его последователей. Он начал ее с освещения проблем яровизации и упоминания о десятках тысяч колхозов, якобы вовлеченных в «практическую науку». «В нашей советской сельскохозяйственной науке день за днем развивается коллективность в работе, — говорил он. Растет связь теории с практикой. Но все ли мы, товарищи, сделали, что тут можно было сделать?» — вопрошал и сам себе отвечал. Его речь стандартна для того времени. Но Лысенко уже придумал ход, которым собирался покорить генсека. Он надумал прилюдно обвинить тех, кто критиковал его, в попытке отбросить его работу не потому, что она научно слабая и недоработанная, а потому, что критики-вредители были «классовыми врагами» таких вот крестьянских, колхозных ученых, каковым является он, академик из народа. Сталин — хороший режиссер, ему нужен повод приструнить науку, Лысенко его пожелание выполнил.

«Товарищи, — заявил он, — ведь вредители-кулаки встречаются не только в вашей колхозной жизни. Вы их по колхозам хорошо знаете. Но не менее они опасны, не менее закляты и для науки. Немало пришлось кровушки попортить в защите, во всяческих спорах с так называемыми «учеными» по поводу яровизации, в борьбе за ее создание, немало ударов пришлось выдержать в практике... И в ученом мире, и не в ученом мире классовый враг — всегда враг, ученый он или нет. Вот, товарищи, как мы выходили с этим делом. Колхозный строй вытянул это дело. На основе единственно научной методологии, единственно научного руководства, которому нас ежедневно учит товарищ Сталин, это дело вытянуто и вытягивается колхозами...». Очевидно, что трансформация спора вокруг «яровизации» в борьбу с мнимыми «клас-

совыми врагами» представляла собой попытку запугивания и истребления научных противников и этот путь на много лет задержал выяснение истинного положения в разрабатываемой проблеме и отбросил страну на много лет назад [11, 13, 16].

Политический донос на своих коллег, который всегда своевременен и нужен и необходим при государственном финансировании науки, естественно, вызвал бурю восторга. Зал разразился аплодисментами. «Многие ученые говорили, что колхозники не втянуты в работу по генетике и селекции, потому что это очень сложное дело, для этого необходимо окончить институт. Но это не так. Вопросы селекции и генетики ставятся теперь по-иному. Сейчас, как хлеб, как вода для жаждущего, необходимо вмешательство в работу селекции и генетики масс колхозников. Колхозная инициатива в этом деле необходима, без этого у нас будут только ученые специалисты-селекционеры, кустари-одиночки». И чтобы завершить эту тему, он добавляет: «Колхозники, а таких колхозников к нашей гордости у нас довольно много, дают народному хозяйству больше, чем некоторые профессора». Расчет оказался верным — генсеку его речь нравилась все больше. В заключение агроном скромно потупившись представил себя смиренным и скромным человеком, чем окончательно пленил Сталина и продолжил: «Я уверен, что я чрезвычайно плохо изложил затронутые мною вопросы по генетике и селекции. Я не оратор. Если Демьян Бедный сказал, что он не оратор, а писатель, то я не оратор и не писатель, я только яровизатор, и поэтому не сумел вам это дело просто объяснить». Этим он окончательно пленил диктатора, который вскочил с места и, аплодируя, закричал в зал: «Браво, товарищ Лысенко, браво!». Зал после этого разразился еще более бурными аплодисментами.

15 февраля 1935 г. «Правда», а затем и другие газеты напечатали подробное изложение этой речи, опубликовали уже примелькавшийся портрет Лысенко и привели знаменательные слова Сталина. В тексте речи не приводились слова, сказанные Лысенко в конце: «В нашем Советском Союзе, товарищи, люди не рождаются, рождаются организмы, а люди у нас делаются — трактористы, мотористы, механики, академики, ученые и так далее. И вот один из таких сделанных людей, а не рожденных, я — я не родился человеком, я сделался человеком. И чувствовать себя, товарищи, в такой обстановке — больше, чем быть счастливым». Почти совсем по великому классику Андрею Платонову. Результат — Сталин нашел человека для замены Вавилова на всех постах ...

С этого момента Т.Д. Лысенко, не очень грамотный агроном, превратился в интеллектуальную звезду Страны Советов, стал ее научным олицетворением. Помня постановление СНК СССР по вопросам селекции, в котором перед ВАСХНИЛ ставилась нереальная задача — за 3-4 года обновить сортовой состав зерновых культур по всей стране с целью резкого повышения урожайности (Правда. 1931. 3 августа), — летом 1935 г. Лысенко, направил сельскохозяйственному начальству страны лживый и льстивый рапорт: «При Вашей поддержке наше обещание вывести в два с половиной года, путем скрещивания, сорт яровой пшеницы для района Одесщины, более ранний и более урожайный, нежели районный сорт «Лютесценс 062» — выполнено. Новых сортов получено четыре».

В результате с 1935 г. он становится членом ЦИК СССР и ВЦИК. В 1935 г. он был избран в действительные члены ВАСХНИЛ и Сталин даровал ему персональный журнал «Яровизация», а летом 1936 г. на экраны страны вышел кинофильм о Лысенко. П.Н. Константинов, П.И. Лисицын и Д. Костов в 1936 г. советовали производить более детальное районирование яровизации перед массовым внедрением данного агроприема. Они утверждали, что «яровизация применяется очень широко и вообще учет производственного опыта стоит не на должной высоте. Методика уче-

та заведомо страдает...», а также что «всякие отрицательные результаты нередко выбрасываются». Они считали, что «даже объективные данные опытных учреждений не всегда пользуются в институте доверием только потому, что они не дают иногда высоких эффектов или же дают отрицательные результаты» [7, 16].

В 1938 г. Т.Д. Лысенко возглавил после расстрелов ВАСХНИЛ. Так создавались культ и монополизм в науке. И это несмотря на то, что в июле 1936 г. ВАСХНИЛ и АН СССР провели выездную сессию в Одесском институте Лысенко. Выяснилось, что новые сорта неэффективны и что предложения Лысенко необоснованны и бесперспективны. Получен лишь один кандидат на сорт, но и он не прошел государственного испытания. Однако было поздно, маховик был раскручен.

С 1936 г. Лысенко — во главе Всесоюзного селекционно-генетического института (после ареста его директора). В 1937-1966 гг. — депутат Верховного Совета СССР, 1937-1950 гг. — заместитель председателя Совета Союза. В 1939 г. стал академиком АН СССР и затем членом Президиума. В 1940 г. — директор Института генетики (после ареста Вавилова). В 1945 г. — Герой социалистического труда. Восемь раз он был награжден орденом Ленина и трижды стал лауреатом Сталинской премии (1941, 1943, 1949). У Вавилова, кроме Ленинской премии (1926), медали Пржевальского (1925) за тяжелейшее путешествие по Афганистану, и большой золотой медали Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства (1940), которую он не получил из-за ареста, государственных наград нет. Единственная достойная награда его работы — это мировая известность и то, что именно его вклад велик в дело борьбы с голодом благодаря его трудам по организации семенного дела, мобилизации мировых генетических ресурсов растений. Вавилов не имел от Советской власти ни одного ордена. Он дружил и переписывался со многими выдающимися биологами, такими как С. Дарлингтон, Г. Меллер, Д. Холдейн, Л. Денн, Д. Хаксли и др. Писал деловые письма большому числу корреспондентов, включая сотрудников Департамента сельского хозяйства США, редакторов журналов и издательств, руководителей академий и музеев. Николай Иванович считал, что укрепление международного сотрудничества, развитие контактов помогают решать задачи развития страны. Ученый был одним из немногих центров притяжения и развития мировой генетической мысли и получал немало писем из-за рубежа с запросами о трудоустройстве. Связано это было с проблемой безработицы на Западе, с романтической увлеченностью социалистическими идеями, верой в Советскую Россию, с надеждой, что это именно та страна и тот государственный строй, где есть потребность в специалистах и существуют возможности для реализации творческих планов. Эти представления в немалой степени были связаны с международным признанием научных успехов ВИРа, с авторитетом Вавилова и школы российских генетиков, и с тем, что многие зарубежные ученые посещали СССР и встречались с ним лично. Стратегической целью концепции управляемой эволюции и вытекающей из нее инновационной программы, как их понимал Н.И. Вавилов, было устранение угрозы голода, решение продовольственной проблемы в целом. В современном массовом сознании эта проблема получила название «зеленая революция».

Пока влияние Лысенко было незначительным, Николай Иванович терпимо реагировал на его ненаучные высказывания, невежественные рассуждения. Но когда опьяненный поддержкой Сталина и его команды Лысенко стал выжигать вокруг себя специалистов ненавистью к настоящим ученым, работавшим в с.-х. науках, отношение академика Н.И. Вавилова к нему изменилось.

Система стала воспроизводить сама себя еще с худшими ошибками при репликации. Сталин, еще более, чем Ленин, нажимал на подготовку красных спецов,

отбираемых из детей рабочих и крестьян, что стало началом «выдвижения» и в науку, и в руководство ею, и в государственные структуры полуобразованных людей, судивших о задачах науки и государства с высоты своего полужнания. Они входили в состав номенклатуры и определяли развитие страны, в частности и науки. В результате отдельные отрасли науки просто перестали существовать. «Пролетаризация науки» привела и к потере академичности среди академиков и к их расколу. Среди академиков сейчас трудно представить как свободную от духа соперничества и личных амбиций, от пристрастных и ошибочных суждений друг о друге, а впоследствии, в связи с великим террором, и от трусости и эгоизма.

В качестве примера можно привести известное высказывание президента АН С.И. Вавилова: «Вы знаете, ко мне, как к президенту Академии, приходит много народа, и мне порой приходится слышать от посетителей дурные отзывы о чужих работах и их авторах. Но никто не пришел ко мне, чтобы похвалить работу другого или обратить на нее мое внимание».

В 1935 г. Т.Д. Лысенко сумел добиться отстранения директора селекционно-генетического института в Одессе профессора А.А. Сапегина (его арестовали) и стал его научным руководителем, также он вошел в состав ВАСХНИЛ. Вместо Николая Ивановича Президентом ВАСХНИЛ 21 июня 1935 г. назначается Александр Иванович Муралов (1886-1937). Муралову не позавидуешь. Лысенко метит на его место... Александр Иванович потом будет арестован и расстрелян. Исполнение обязанностей президента было возложено на вице-президента Георгия Карловича Мейстера, который тоже будет арестован и расстрелян. Лысенко метит и на его место. С 1938 г. (до 1964) бессменным Президентом становится Т.Д. Лысенко.

Пролетарская наука (сталинская) самодостаточна и не нуждается в международном признании. Эта тенденция характерна для всех основных отраслей знания. Дискуссия по биологии, так же как некоторые другие общесоюзные дискуссии 1935-1939 гг., были политзаказом и госзаказом, а Лысенко, Презент и другие — их исполнителями. Продолжается прессинг и добивание оставшейся «академической (царской) интеллигенции» и подчинение ее власти. Многие примыкают к Лысенко из-за карьеристских соображений, других примеров нет. Поддержка Сталина вдохновляла агронома. Для сторонников Лысенко было характерно стремление расправиться со своими противниками при помощи традиционных обвинений во «вредительстве», пособничестве «врагам народа», в приверженности буржуазной науке, фашизму и так далее.

Выполняя волю генсека, сотрудники ОГПУ, а затем и НКВД, составляли «группу прикрытия» и организовывали расправы с идейными оппонентами «народного академика».

Жизнь в стране идет на двух уровнях. Официально — победная и мажорная. «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее», — заявил т. Сталина на Всесоюзном совещании стахановцев 17 сентября 1935 г. А неофициально — под знаком постоянного, изматывающего страха. Многочисленные аресты и ссылки добавляли новые «факты» к делу Вавилова. Росло число доносов на него и вне связи с этими акциями. Продолжается систематическое давление на Вавилова. Задействованы и сотрудники ВИРа, например Коль обвинил директора в том, что его экспедиции «собирали коллекции преимущественно на базарах», в «бесконечном затягивании передачи полученных материалов в производство... что составляет типичную особенность всех экспедиций школы Вавилова», а также и в том, что важные для сельского хозяйства СССР (а на деле — не способные здесь расти) растения, такие как сахарный

тростник из Западного Афганистана и финикоподобный унаби из Западного Китая, не были переданы в руки «мичуринцев-опытников» [15]. Коль не мог удержаться от того, чтобы не провести «параллели» между вавиловской теорией происхождения растений и положениями фашистской расовой теории. Комментарии здесь излишни.

Благодаря работе ВИРа около 20 млн га общей площади посевов в СССР (15%) было занято лучшими сортами растений (кукурузы, овса, ячменя, картофеля и других), ввезенными Вавиловым в результате его экспедиций. Примерно две трети селекционных сортов хлопчатника в Советском Союзе были выделены из доставленных экспедициями генетика сортов. Почти вся остальная площадь сортовых посевов в стране была засеяна сортами, полученными селекционерами классического направления. Вся сортоиспытательная сеть в стране была создана по инициативе Николая Ивановича. Никаких селекционных сортов, выведенных методами Лысенко и Презента, в это время не было. Не будет и потом! Предложения агронома о реорганизации селекционного дела базировались лишь на абстрактных теоретических соображениях, впоследствии не подтвердившихся.

В 1936 г. продолжается критика «молодым народным ученым» Т.Д. Лысенко антидарвинизма Вавилова, фашизма Кольцова, расизма Левита, биологизаторства Серебровского. Разоблачение антидарвиновской сущности теории гена, создание «советского творческого дарвинизма» научной школы Лысенко — «лысенковщина». Главная задача Вавилова — сохранить единство в среде биологов и селекционеров и ознакомить широкую общественность с результатами селекционной работы в СССР, достижениями генетиков. Он указывал на недопонимание лысенкоистами основ науки. Приводил примеры огромного вклада науки, а генетики в особенности, в практику, в развитие селекции, но, к сожалению, безрезультатно. Происходит замена курса генетики в школьной программе на курс дарвинизма по Презенту, установлен запрет на работы по эволюции и генетике человека.

Список представителей отечественной биологии, прервавших в расцвете сил карьеру, вряд ли будет когда составлен, но прямые и косвенные цифры по отдельным учреждениям свидетельствуют, что, по крайней мере, более 25% биологов числились уволенными в 1930-х гг., что в то время практически означало арест, а часто и расстрел. И это в отличие от Германии, где пострадало два человека. Они уволены, но не расстреляны [10].

Страна вступила в 1937 г., имея 8-миллионную бесплатную рабочую силу — ГУЛАГ. «Логика» 1937 г. еще предстоит раскрыть, но это уже другая история. Приказ 000447: 1 категория — расстрел, 2 категория — лагеря. Правительственный ряд постановлений: июль — пытки узаконены; август — показательный процесс над «врагами народа». Массовые расстрелы. Расстреляно более 700 тыс. человек, что в 35 раз больше, чем в 1936 г. Было репрессировано большинство военачальников Красной Армии; военные интеллектуалы — полководцы, фортификаторы, морские офицеры. Инженеры, агрономы, архивисты, собиратели народной культуры.... Служители «чистой науки», просвещенное купечество, люди искусства и, конечно, учителя, врачи и просто образованные люди — все те, кто необходим для существования могучего независимого государства. Только представителей духовенства репрессировано 175700, из них расстреляно 110700... «Интеллектуальный каркас», хребет страны, ее нервная система, интеллект общества — его интеллигенция, были выбиты начисто. «Прервалась связь времен». Шла радикальная ликвидация «антисоветских элементов» — везде.

На Пленуме ЦК партии Иосиф Сталин теоретически обосновал необходимость террора: по мере укрепления основ социализма классовая борьба обостряется. Прокурор Вышинский награжден орденом Ленина. За репрессии? Нет, тогда это называлось иначе — «за успешную работу по укреплению социалистической законности».

Народным комиссаром НКВД назначен Николай Ежов. Одним из первых его распоряжений был секретный приказ, которым предписывалось во всех актах расстрела мест захоронения не указывать.

Напечатав в журнале доклад Сталина на мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», редакция поместила вслед за ним статью зам. директора и ближайшего помощника Т.Д. Лысенко И.И. Презента (Яровизация. 1937. № 3. с. 49-66), в которой он проводил прямую параллель и отождествлял троцкистско-бухаринскую оппозицию с оппозицией генетиков классической школы к направлению, возглавлявшемуся Лысенко. Вслед за статьей Презента, журнал «Яровизация» в том же выпуске поместил клеветническую статью А.К. Коля с обвинением академика Н.И. Вавилова в реакционности, вредительстве и других грехах. Коль утверждал, что «Вавилов и его сотрудники, посещая Абиссинию, Палестину, Северную Америку, Турцию, Китай, Монголию, Японию, и другие страны интересовались не столько отбором наилучших для Союза экотипов, как это делали американцы, сколько сбором морфологических диковинок для заполнения пустых мест его гомологических таблиц».

Резкая и оголтелая кампания против Вавилова, Кольцова и других генетиков была начата в 1937 г. и в газете «Соцземледелие». В статьях И. Презента и П. Куликова (Соцземледелие. 1937. 12 апреля.) в связи с критикой генетика И.П. Кольцова был дан намек на то, что «троцкистские агенты международного фашизма ищут любые лазейки, чтобы пробраться в нашу науку». Через 2 месяца (6 июля 1937 г.) эта же газета опубликовала статью М.Е. Лунина «Дарвинизм и наука», в которой говорилось следующее: «Советская общественность ныне хорошо знает, что собой представляют антимичуринцы, такие «ученые», как акад. Кольцов, акад. Серебровский, и разные «гено-рыцари», ревностно охраняющие особую и монопольную роль генов».

Еще более определенно высказался Я.А. Яковлев¹, в то время зав. сельхозотделом ЦК ВКП(б). В своей речи, произнесенной на собрании сотрудников и авторов с.-х. литературы, опубликованной все тем же журналом «Яровизация», он подверг резкой критике теорию гомологических рядов изменчивости, разработанную Н.И. Вавиловым. А также ряд работ ученика Вавилова селекционера К.И. Пангало и хромосомную теорию наследственности. Он объявил все эти теории «фашистскими, реакционными и антидарвинистскими». По его мнению, необходимо «обеспечить дальнейшее развитие генетики с точки зрения теории развития, вместо превращения генетики в служанку ведомства Геббельса... Для ясности повторяем: дарвинисты не против генетики, дарвинисты за генетику, но дарвинисты против фашистского превращения генетики и фашистского использования генетики в политических целях, враждебных человеку» (Яровизация. 1937. № 2. С. 15). И этот же тезис о превращении советской генетики в «служанку ведомства Геббельса» и о фашистских извращениях в советской генетике он повторил через несколько недель в статье «О дарвинизме и некоторых антидарвинистах (Правда, 1937. 12 апреля).

В следственном деле Вавилова [17] много сфабрикованных материалов, обвинений, показаний. Известны многочисленные факты выступлений ученого

¹ В начале 1938 г. Я.А. Яковлев сам падет жертвой произвола.

в защиту своих репрессированных коллег, например письма в защиту профессоров И.Ф. Макарова и С.Л. Соболева. Еще в конце 20-х — начале 30-х гг. Вавилов пытался добиться освобождения семидесяти — восьмидесяти коллег, в т. ч. 44 ученых-аграриев, арестованных по делу о мифической «Трудовой Крестьянской партии».

«В архиве ВИРа, — отмечал Поповский [13], — хранятся многочисленные письма, адресованные в различные инстанции. Директор института просил вернуть в Ленинград арестованных и высланных, ручался за их лояльность, утверждал, что эти люди уникальные знатоки той или иной культуры (так оно чаще всего и было) и без них остановится государственной важности дело».

Подобные письма раздражали власть имущих, рассматривались ими как посябничество «врагам народа» и именно поэтому включались в следственные дела. Фигурировали они и в следственном деле Вавилова. «Вавилов горой стоит за вредителей», — отмечалось в одном из публикуемых доносов 1935 г. [3].

Смешно, что система, уничтожившая сотни тысяч рукописей, дневников, десятки тонны личных писем и научных трудов, повелела «хранить вечно» образцы творчества своих добровольных доносчиков. Наверно, нам в назидание...

Допрошенный в качестве свидетеля работник отдела Новых культур Всесоюзного института растениеводства ШЛЫКОВ Григорий Николаевич показал:

«В Институте растениеводства действует в течение многих лет вредительская организация. ВИР практически импотентен, пассивен в разрешении актуальных запросов нашего сельского хозяйства и опирается в своей работе на чуждую нам методологию.

О том, как проходила в Ин-те вредительская работа, т. е. как она направлялась, проникала все его толщи, захватывала почти всех его сотрудников и не трудно догадаться, всякому разбирающемуся хоть немного в теориях ВАВИЛОВА. Поэтому я так много и работал по разоблачению этих теорий, по их дисквалификации, что они являются программой, легально утверждаемой высшими инстанциями. Не случайно ин-т присвоил себе право методологического центра. Здесь, действительно, своя особая, враждебная материализму, определенно вредная практика селекции, практика сортосмены, сортовой апробации.

Работник Пушкинского отделения ВИРа МОШКОВ рассказывал, что ВАВИЛОВ давал ему директиву бороться с ЛЫСЕНКО в своих произведениях и приводил в пример собственные успехи борьбы с концепцией ДАРВИНА» [17].

В ВИРе были и другие доносчики. Среди них нужно упомянуть бывшего «специального аспиранта» Федора Федоровича Сидорова. История его жизни, восстановленная М.А. Поповским, также помогает понять нравы того времени. Сидоров работал в Пушкинском отделении ВИР под Ленинградом и должен был следить за размножением ценнейших материалов, привозимых экспедициями ВИР со всего света. К 1937 г. он занял должность старшего научного сотрудника, но был настолько халатен и безграмотен, что летом этого года по его вине был загублен уникальный материал. Узнав об этом, Вавилов тут же отдал приказ об увольнении Сидорова. В день издания приказа уволенный явился к оперуполномоченному НКВД города Пушкино и написал клеветническое заявление на Вавилова и его заместителя А.Б. Александрова: «Хочу заявить о вредительской деятельности руководства Всесоюзного института растениеводства, в результате которой сорвана работа по разработке устойчивых сортов к болезням и вредителям сельскохозяйственных культур».

А.Б. Александрова, с 1935 г. работавшего заместителем директора ВИР, незамедлительно арестовали, и он погиб в заключении. Вопрос, который во всякое другое вре-

мя мог быть решен в местное или, на крайний случай, в ученом совете института, переключал в сейфы НКВД. Его донос был приобщен к «делу Вавилова» как один из основных изобличающих документов. Сидорова восстановили на работе, и он быстро дослужился до поста заместителя директора ВИРа [13].

В 1966 г. М.А. Поповский, выступая в ВИРе, рассказал эту историю, тайное стало явным, «...заместитель директора выскочил из зала как ошпаренный. Вскоре его перевели заместителем директора в другой институт». Он не думал, что документы, на которых написано «хранить вечно», станут всем известны — станет известен его донос. Сидорова попросили покинуть Институт растениеводства, но Ленинградский обком партии подыскал ему (1966) равноценную должность в другом институте.

О том, чтобы исключить доносчика из партии, никто даже не подумал и не заикнулся. А доктор биологических наук Григорий Николаевич Шлыков даже и тем не поплатился — до самого преклонного возраста заведовал отделом ВИРа, хотя все сотрудники читали и помнили его письмо, отправленное в соответствующие инстанции 7 марта 1938 года. Не в Шлыкове дело. Таких, как он, Якушкин, Коль, Сидоров — трусливых, тщеславных и просто подлых в определенные времена много. Вокруг Вавилова их было множество. Лысенко, опираясь на всемерную поддержку Сталина, жаждал крови, тотального поражения своих оппонентов и репрессий по отношению к ним.

Наступил 1938 г. — счастливый для Т.Д. Лысенко. Он, шагая через трупы предшественников, стал наконец Президентом ВАСХНИЛ. Первое программное выступления Т.Д. Лысенко на заседании Президиума ВАСХНИЛ в качестве Президента академии декларировало: «... Сетовать на то, что у нас мало научно-исследовательских учреждений по линии сельского хозяйства или отпускается мало средств на науку, мы не можем. Мне даже кажется, что на первое время обилие средств, отпускаемых на науку, мешает науке навести у себя в доме большевистский порядок... Не лучше ли было бы сократить в два-три раза штат научных работников, освободив сотни необходимых специалистов для производства? Это улучшило бы организацию научного труда и значительно подняло продукцию института. ... В любом своем разделе сельскохозяйственная наука должна исходить из заданий, из потребностей колхозно-совхозного строительства».

Новый Президент стал осуществлял бурную деятельность: существующая структура была подвергнута демонтажу и трансформации. Расширены чисто административные функции ВАСХНИЛ, вследствие чего ее Президиум превратился в элемент управленческого аппарата Наркомата земледелия. Для укрепления и усиления своего влияния в ВАСХНИЛ, академик Т.Д. Лысенко провел несколько циклов реорганизации, сопровождающихся перманентными изменениями в персональном составе ее руководства. Основной тенденцией всех этих изменений было усиление позиций представителей «мичуринской агробиологии».

После ареста ряда руководящих работников ВАСХНИЛ в газете «Социалистическое земледелие» за 11 января 1938 г. была опубликована статья «Оздоровить Академию сельскохозяйственных наук. Беспощадно выкорчевывать врагов и их охвостье из научных учреждений». В пособники врагов народа попали такие ученые, как академик Н.И. Вавилов, М.М. Завадовский и П.Н. Константинов, то есть те, которым инкриминировалось враждебное отношение к работам академика Т.Д. Лысенко. Весьма шатким оказалось и положение профессора А.С. Серебровского. На совещании в ВАСХНИЛ 15 марта 1938 г. он привел выдержки из ряда районных газет, в которых сообщалось об арестах зоотехников, применявших «фашистский антидарвиновский метод Серебровского».

Вскоре после вступления на президентский пост в статье «На новых путях» (Правда. 1938. 9 апреля) акад. Т. Д. Лысенко опять заявил, что «в старом руководстве академии орудовали ныне разоблаченные враги народа».

Одновременно в одной из статей газеты «Социалистическое земледелие» была поставлена перед ВАСХНИЛ следующая задача: «Нужно изгнать из институтов и станций методы буржуазной науки, которые всячески культивировались врагами народа, троцкистско-бухаринскими диверсантами, орудовавшими во Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук».

Борьба с «врагами народа» начала сплетаться с борьбой с «реакционной формальной генетикой». Рассказы Т.Д. Лысенко о том, что кто-то (причем поименно) мешают его практической деятельности, получили отклик у руководителей государства. М.И. Калинин в письме к В.П. Разумовскому от 20 августа 1938 г. писал: «Прошу Вас обратить внимание на работы молодого ученого Трофима Лысенко, они могут весьма скоро стать новой страницей в агрономической науке. В отличие от чисто научных изысканий наших кабинетных биологов, работы Лысенко несут исключительно практическое значение. Их надо поддержать и оградить от нападков со стороны». Позднее, в 1939 г., на совещании работников сельского хозяйства М.И. Калинин говорил: «Прошу всех учесть, что особую заботу надо оказывать нашей молодой агрономической науке, прежде всего, работам Т.Д. Лысенко и его учеников, ибо только такая наука, тесно связанная с практикой сельского хозяйства, позволяющая непосредственно и в короткие сроки внедрять в жизнь достижения великого Ивана Владимировича Мичурина, нужна нам». Академик Н.П. Дубинин потом вспоминал и говорил о Т.Д. Лысенко: «Как мало сделал этот человек при совершенно фантастических возможностях» [8].

За рубежом охотно перепечатывали статьи Т.Д. Лысенко, чтобы наглядно продемонстрировать уровень его мышления и масштабы развала советской биологии. А Лысенко радовался, потрясая зарубежными публикациями: «Вот как меня ценят в Америке!»

Продолжаются аресты сотрудников Н.И. Вавилова. В конце 1930-х — начале 1940-х гг. были расстреляны или погибли в лагерях и тюрьмах его сторонники А.И. Аболин, Л.И. Говоров, Г.Д. Карпеченко, Н.Н. Кулешов, Г.А. Левитский, В.И. Мацкевич, К.А. Фляксбергер, К.М. Чинго-Чингаз и многие другие. Следует только удивляться, как в условиях травли, предательства, бесконечных реорганизаций, сокращения финансовых, материальных и издательских возможностей Вавилов сохранил единство и комплексность ВИРа и обеспечил мировой уровень проводимых в его институтах растениеводческих исследований. В дальнейшем арест академика Н.И. Вавилова в 1940 г. освободил для Лысенко и пост директора института генетики АН СССР, созданного Вавиловым, членство в Президиуме АН и ряд других должностей [9].

Травля Н.И. Вавилова и его единомышленников приняла исключительно оголтелый и безобразный характер. Было объявлено, что аресты не имеют никакого отношения к предшествовавшим научным спорам, но последовательность, с которой карательные органы арестовывали сторонников Вавилова (в том числе сотрудников ВИРа) и не изъяли ни одного явного лысенковца, заставляет усомниться в том, что перед нами просто случайность. Эта закономерность не ускользнула от глаз Вавилова.

По-разному вели себя на допросах люди. Академик Рудольф Эдуардович Давид (1887-1939), арестованный вскоре после того, как он выступил публично в за-

шиту академика Н.М. Тулайкова, согласно хранящейся в деле Н.И. Вавилова записи допросов показал: «Крупное ядро видных членов Академии во главе с Вавиловым, Кольцовым, Мейстером, Константиновым, Лисицыным, Серебровским активно выступало против революционной теории Лысенко о яровизации и внутрисортовом скрещивании». Понятно, каким методом и каким образом получены эти показания...

Не выдержал допросов, шедших часами, сопровождавшихся зверскими издевательствами, и сам Тулайков: он дал показания против Вавилова и других руководителей ВАСХНИЛ. Однако Я.А. Яковлев, на свободе критиковавший публично Вавилова, в застенках повел себя мужественно и отказался опорочить его. Как пишет М.А. Поповский, «сошедший в камере с ума академик-селекционер Мейстер несколько раз объявлял Вавилова предателем и столько же раз отказывался от своих слов. Впоследствии расстрелянный вице-президент Бондаренко, (несмотря на свой ранее донос на Вавилова) от своих показаний на суде отказался» [3].

Но эта сторона жизни Николая Ивановича Вавилова пока оставалась «по другую сторону занавеса» и была скрыта от него самого. Также не было внешних проявлений участия в этом процессе самого Трофима Лысенко. Его люди трудились на тайном фронте в поте лица, а он предпринимал видимые всем усилия в другом направлении — порочил Вавилова на верхах.

В 1937 г. в ВИР был принят аспирант С.Н. Шунденко, диссертацию за которого написал его руководитель акад. М.И. Хаджинов. Бывшего аспиранта назначили осенью 1938 г. заместителем директора ВИРа вопреки решительного протеста Н.И.Вавилова. Ученый и другие ведущие специалисты ВИРа понимали, конечно, что вызывающая наглость Шунденко и других столь же малограмотных молодых людей подогревается на государственном уровне и в государственном масштабе. Как пишет в книге «Дело академика Вавилова» писатель М. Поповский «можно не сомневаться: майор Госбезопасности Шунденко оказался для следователя по делу Вавилова Хвата незаменимым помощником» [13]. Ведь Хват был совершенно незнаком с деятельностью ВИРа, Н.И. Вавилова и его ближайших соратников. Вступив в должность, вчерашний аспирант открыто заявил, что не разделяет ошибочную позицию академика Вавилова в вопросах генетики и растениеводства. Сразу после ареста Николая Ивановича, Шунденко исчез из ВИРа. Можно не сомневаться в роли майора госбезопасности Шунденко в организации дела Вавилова. Он знал, кто чем в ВИРе дышит, кого на чем стоит брать, кого в чем следует обвинить. Никто другой не смог бы так быстро подобрать нужных следствию экспертов, так блестяще составить текст заключения экспертной комиссии, никто иной не смог бы подбросить следователю таких великолепных наукообразных формулировок, как кандидат биологических наук С.Н. Шунденко.

«Поразительно невежественный Степан Николаевич не умел говорить публично, совершенно беспомощным оставался и в лаборатории и на опытном участке, но зато виртуозно организовывал противников Вавилова, был подлинным мастером интриг», рассказывает академик ВАСХНИЛ М.И. Хаджинов, направивший его первые шаги в науке.

Помимо открытой борьбы, коли, Шлыковы, Сидоровы «сигнализировали — кому надо», как принято было тогда и, наверное, сейчас, определенным способом. Некоторые материалы такого рода удалось получить в свое время в архивах НКВД М.А. Поповскому. Еще два свидетельства грязной деятельности Шлыкова, выдававшего себя за ученого, сохранили друзья Н. И. Вавилова. Оба обращения (правильнее говорить — оба доноса) в высокие инстанции — в ЦК партии и в НКВД были напи-

саны в начале 1938 г. Из доноса четко видно желание Шлыкова окончательно добить Вавилова, убрать его с поста директора. Шлыков старается представить свое письмо голосом ученого, принципиального борца за научную истину, изнемогающего под бременем несправедливости («Мне ... выпала здесь на долю тяжелая роль теоретической оппозиции Вавилону Н.И.»), принципиального еще и потому, что он, в отличие от Вавилова — представитель партии большевиков.

Кстати, один из первых камней бросил в Николая Ивановича Вавилова профессор Тимирязевской академии Иван Вячеславович Якушкин. Тот, с кем Николай Иванович учился и с кем был дружен. ВИР разваливали на глазах. На заседании Ленинградского областного бюро секции научных работников Н.И. Вавиловым была высказана резкая критика в адрес Т.Д. Лысенко, своего научного оппонента, которая закончилась словами: «...пойдем на костер, будем гореть, но от своих убеждений не откажемся».

Вавилов понимал, кто стоит за Лысенко и помогает ему делать карьеру. Но молчание Сталина пробуждало надежду на возможность как-то повлиять на его позицию. Вавилов не терял надежду воздействовать на генсека. В числе документов, конфискованных у ученого при аресте, значится «Письмо Вавилова Н.И. на имя т. Сталина о несогласии с академиком т. Лысенко в научных вопросах селекции на 10 листах» [17]. Вероятней всего, оно было подготовлено в 1940 г. и вызвано разногласиями с Лысенко по вопросу о генетическом методе инцухт — гибридов кукурузы, который в США привел к росту урожайности на 20 процентов и к увеличению валового сбора кукурузы на 155 миллионов пудов. Вавилов попытался доказать Сталину, что сопротивление Лысенко применению этого метода в нашей стране наносит огромный вред ее сельскому хозяйству. Письмо Сталину, как и подобные письма в высшие инстанции в этот период, следует рассматривать как последнюю отчаянную попытку воздействовать на руководство страны. Но это уже не могло изменить ситуацию.

Президиум ВАСХНИЛ, по предложению Т.Д. Лысенко, признал работу ВИРА неудовлетворительной. Отстаивая интересы науки, Н.И. Вавилов 20 ноября 1939 г. добился приема у Сталина и пытался убедить вождя, не предложившего даже сесть великому ученому, в необходимости и важности работ, проводимых ВИРОм. Однако от генсека услышал приблизительно следующее: «Ну что, гражданин Вавилов, все тычинками и пестиками занимаетесь? А вот товарищ Лысенко поднимает колхозные урожаи».

Острые борьбы направлялось против еще «недобитых» генетиков классической школы. В начале 1939 г. редактируемый Т.Д. Лысенко журнал «Яровизация» поместил статью И.И. Презента «О лженаучных теориях и генетике» (№ 2. С. 87-116), в которой автор попытался провести надуманную параллель между работами Н.И. Вавилова и идеями философа-антимарксиста Дюринга. Итак, Николай Иванович Вавилов — ученик фашиста и расиста, пропагандирует идеи, которые находятся в полном тождестве с идеями врага марксизма Дюринга. Кажется, дальше некуда...

Лысенко был прекрасным актером, когда надо умел пробуждать к себе и симпатии, и сострадание, а когда «говорил за родное дело» и слезу мог подпустить... На кремлевской публике и землю из кармана вместе с носовым платком случайно вытащить... «Народный академик» постоянно жаловался всем на то, что Н.И. Вавилов мешает ему, что его деятельность не идет на пользу науке и практике, в т.ч. и И.В. Сталину. В марте 1939 г. во время одного из приемов на высшем уровне Трофим Лысенко дал ясно понять, что академик Вавилов является помехой в его дея-

тельности на пользу социалистическому хозяйству что и вызвало недовольство вождя. А этого было достаточно, чтобы присутствующий Берия немедленно сделал «соответствующие оргвыводы». Судьба Николая Ивановича Вавилова была решена тогда же. 23 мая 1939 г. на одном из заседаний Президиума ВАСХНИЛ, на котором с докладом о работе ВИРа за прошедший 1938 г. и его планах на текущий год выступал Н.И. Вавилов, Т.Д. Лысенко организовал обструкцию Вавилова.

Сохранились тезисы доклада Н.И. Вавилова, который он представил на этом отчете. Доклад назывался: «Основные положения и задачи советской генетики». Этот материал не потерял свое значение до сих пор. Президиум ВАСХНИЛ, по предложению Т.Д. Лысенко, признал работу ВИРа неудовлетворительной. Труд тысячного коллектива в течение целого года признается бесполезным, руководство института — порочным. Иначе, как издевательство над Вавиловым, над наукой, над будущим страны, назвать это нельзя. Но оставались еще в СССР люди, осознававшие величие Вавилова (не всех посадили), они его защищали, писали письма, пытались изменить его судьбу.

... Николай Иванович докладывает о планах своего института, говорит о создании иммунных сортов пшеницы, о выведении в ВИРе ракоустойчивых сортов картофеля, о том, что необходимо взяться за гибридную кукурузу. Как всегда, он не считает нужным скрывать и недостатки. Дойдя в своем докладе до работы биохимической лаборатории, с сожалением признается: биохимики пока не выучились распознавать сортовые и видовые различия по белку: «Отличить чечевицу от гороха по белку мы до сих пор не умеем».

Лысенко (с места): Я думаю, что каждый, кто возьмет на язык, отличит чечевицу от гороха.

Вавилов: Мы не умеем различить их химически.

Лысенко: А зачем уметь химически отличать, если можно языком попробовать?» [13].

Зловещая роль Т.Д. Лысенко в травле, преследовании, аресте и гибели Вавилова и его ближайших соратников известна многим историкам советской науки [8]. «Убийцей Вавилова» назвал Лысенко крупнейший современный ботаник академик А.Л. Тахтаджан в своей статье в Литературной газете по случаю 100-летия со дня рождения Николая Ивановича (Тахтаджан А.Л. «Континенты Вавилова». Литературная газета. 1987. 25 ноября.).

Странно видеть в настоящее время попытки реабилитировать Лысенко. Ему приписывают успешное и дешевое решение практических проблемы сельского хозяйства, в отличие от Вавилова и других генетиков, занятых якобы только борьбой за финансирование своих исследований и продвижением проектов во властных структурах, бесперспективность которых они прикрывали ссылками на мировую науку. Печально, когда Лысенко пытаются приписать предвидение современных представлений о цитоплазматической наследственности и эпигеномной концепции онтогенеза. Можно согласиться с мнением Э.И. Колчинского, что это обусловлено антинаучной жадной реванш идей Лысенко у части научного сообщества [10]. И, прежде всего, в тех учреждениях, где по-прежнему сильны позиции учеников и внуков сторонников Лысенко, которые остались на своих постах, продолжая пестовать собственные школы. В них есть желание оправдать свою жизнь и актуализировать спор, давно исчерпавший себя.

Санкция на арест Н.И. Вавилова последовала в 1940 г. Ему инкриминировалось «продвижение заведомо враждебных теорий и борьба против работ Лысенко,

Цицина и Мичурина, имеющих решающее значение для сельского хозяйства СССР». Донос Презента — Лысенко, доносы Шунденко и Шлыкова были написаны в годы, предшествующие аресту Н.И. Вавилова. Обвинения Н.И. Вавилова Презентом — Лысенко, содержащиеся в ранее неизвестном письме (фактически доносе) Презента — Лысенко Молотову, полностью опровергают мнение об отсутствии свидетельств прямой причастности Т. Лысенко к аресту Н.И. Вавилова. Все они сыграли свою позорную роль в сценарии, написанном не ими, но ими исполненном, что и не снимает с них ответственности за убийство.

Как стало известно позднее, Н.И. Вавилов 6 августа был арестован во время экспедиции в районе Черновцов (Западная Украина). Дотюремная часть жизни Н.И. Вавилова закончилась. Занавес опустился...

Автор благодарит за помощь в работе над статьёй и полезную дискуссию Ю.Н. Вавилова и М.Е. Раменскую.

Библиографический список

1. Баутин В.М., Глазко В.П. Н.И. Вавилов и научное «киллерство» // Известия ТСХА. 2007. Вып. 4. С. 4-15.
2. Бахтеев Ф.Х. Николай Иванович Вавилов. 1887-1943. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1987. 271 с.
3. Вавилов Ю.Н. В долгом поиске. Книга о братьях Николае и Сергее Вавиловых. М.: ФИАН, 2004. 335 с.
4. Вавилов Ю.Н. Рокитянский Я.Г. Голгофа. Архивные материалы о последних годах жизни Вавилова. (1940-1943) // Вестник Российской Академии наук. 1993. № 9. С. 830-846.
5. Н.И. Вавилов в Академии наук СССР // Николай Иванович Вавилов. Очерки, воспоминания материалы / отв. ред. С.Р. Микулинский. М.: Наука, 1987. С. 431-450.
6. Гершензон С.М. Тропой генетики. Киев, 1992. 176 с.
7. Глазко В.И. Николай Иванович Вавилов и его время. Хроника текущих событий. Киев, 2005. 448 с.
8. Дубинин Н.П. Генетика. Страницы истории. Кишинев: изд-во «Штиинца», 1990. 360 с.
9. Захаров Н.А. Краткий очерк научной, научно-организационной и общественной деятельности // Николай Иванович Вавилов (1887-1943). Материалы биобиблиографии ученых СССР. 3-е изд. М.: Наука, 1987. С. 9-27.
10. Колчинский Э.И. Начало скорбного пути Н.И. Вавилова (к 125-летию великого ученого) // Политическая концептология. 2012. № 4. 72-122.
11. Медведев Ж.А. Взлет и падение Лысенко. М., 1993. 348 с.
12. Научное наследие Н.И. Вавилова — фундамент развития отечественного и мирового сельского хозяйства: материалы Международной научной конференции. 26-26 ноября 2007 г. М., 2008.
13. Поповский М. Дело академика Вавилова. М., 1991. 261 с.
14. Рядом с Н.И. Вавиловым. Сборник воспоминаний. 2-е изд., доп. М.: изд-во «Советская Россия», 1973. 256 с.
15. Синская Е.Н. Воспоминания о Н.И. Вавилове. Киев, 1991. 203 с.
16. Сойфер В. Н. Власть и наука. Разгром коммунистами генетики в СССР. М.: изд-во «ЧеРо», 2002. 1021 с.
17. Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД. Биографический очерк. Документы / сост. Я.Г. Рокитянской, Ю.Н. Вавилов, В.А. Гончаров. 2-е изд. М., 2000. 552 с.

BLOOD-GUILTY (THE CHRONICLE OF THE LAST YEARS OF LIFE OF NIKOLAI IVANOVICH VAVILOV)

V.I. GLAZKO

(Russian State Agrarian University — K. A. Timiryazev MAA)

The article is concerned with the last years of life of the greatest scientist - N.I. Vavilov and his murder. The occurrence of "lysenkoism" is unique in the world. The Soviet science numbers a lot of Lysenko followers but they did not distinguish themselves so impressively for they were "smarter" and knew how to walk in shadow of more talented colleagues. The rise of Lysenko and initiation of "lysenkoism" were quite explicable and resulted from social problems, they reflected the reality of the developing political system. The life and fate of N.I. Vavilov is an indisputable evidence of the scientists courage, who took a hard civic line against soapbox oratory and pseudoscience in spite of the public harassment. Lysenko and like-minded fellows played their role in the subsequent breakdown of the country, the destruction of food and educational security and in so-called "sausage emigration". In the course of time the names of the pursuers such as Lysenko, Present, Shlikov, Kol', Khvatov and of many others will become the history but not for our country, and the name of Nikolai Ivanovich Vavilov will always be the world's model of how to behave under critical, sometimes incompatible with life, conditions as well as the example of the strong civic position and fearless and uncompromising character.

Key words: «proletarian science», N.I. Vavilov, I.V. Stalin, I.I. Present, T.D. Lysenko, VIPBiNK (VIR)¹, ViSKhNIL², party bureau.

Г.И. Глазко Валерий Иванович — д. с.-х. н., проф., акад. РАСХН (иностр. член), руководитель Центра нанобиотехнологий РГАУ-МСГА имени К.А. Тимирязева (127550, ул. Тимирязевская, 49; тел.: (499) 976-03-75; e-mail: glazko@gmail.ru).

¹ All-Russian Institute of Plant Industry.

² The All-Union Academy of Agricultural Sciences of the Soviet Union.